

Сайлас громко застонал, когда его глаза начали меркнуть. Боль быстро пронзила его голову в дополнение к жжению в горле. Тем не менее, открыть глаза полностью было трудно - это была огромная задача, учитывая то, как он был возбужден, - не говоря уже о том, что перед ним было неясное, расплывчатое зрелище, которое он не мог разобрать.

"Воды...", - пробормотал он, и, к его потрясению, чья-то рука помогла ему сесть и предложила чашку воды.

"Держи", - прорвался сквозь дымку звонкий голос Валена, когда Сайлас быстро взял чашку и выпил ее целиком. "Сколько же ты выпил? Ты, должно быть, обогнал нас всех".

"Уууух", - Сайлас наклонился вперед и схватился обеими руками за голову. Это было... ностальгическое чувство, на самом деле. Прошло много времени с тех пор, как он так напился. И он также вспомнил, почему прошло столько времени - ощущения... не были такими уж прекрасными. На самом деле, это было ужасно. Помимо головной боли, у него болел желудок, и ему хотелось выплеснуть все внутренности наружу... но он не мог. Это было ужасное чувство.

"В любом случае", - сказал Вален. "Не торопись. Я поставлю охрану снаружи палатки - если тебе что-нибудь понадобится, крикни им".

"Подожди, подожди..." Сайлас ненадолго очнулся от своего оцепенения и потянул за рукав Валена. "Прошлой ночью... ты видел, кто нес меня сюда?"

"Занес тебя?"

"Да", - кивнул Сайлас. "Это была, э, это была женщина. Я думаю. Ты видел, кто это был?"

"Не могу сказать, что это так", - ответил Вален. "К моему возвращению ты уже лежал в отключке на кровати. Но, если хочешь, я могу поспрашивать".

"Нет, нет, все в порядке", - сказал Сайлас. "Скорее всего, это было мое пьяное воображение".

"С тобой все будет в порядке?"

"Да, да, давай", - сказал Сайлас, отступая назад и ложась на кровать. "Мне нужен день. Или два. Или три".

"Сколько угодно", - сказал Вален, прежде чем уйти, оставив Сайласа в одиночестве со своими мыслями.

Прошлая ночь была туманной, но он помнил несколько моментов - особенно то, как он хныкал, словно маленький ребенок, перед тем, кто, скорее всего, был фантомом, изливая свои обиды и затаенные в душе жалобы. Тем не менее, это был хороший, даже терапевтический сеанс. Он нуждался в этом - особенно после того, как стал свидетелем масштабов нападения.

"А, атака", - пробормотал он, наконец вспомнив, зачем он вообще напился до беспамьятства. Море мертвецов, разрушенные стены, банкет крови и кровищи, предпоследний конец света. Он выпустил воздух через губы, словно пытаясь сдуть с себя все проблемы, потер лицо в бредовой попытке проснуться и разобраться в происходящем. Но он не мог - потому что все... не имело смысла.

Его просили стать героем, но у него не было ни капли силы, которая должна быть у героя. У него не было ни инструментов, ни средств, ничего, кроме неспособности умереть - но неспособность умереть была бесполезна перед лицом вечной смерти. Перед лицом того, что даже герою было бы трудно победить. Быть героем, но не героем; спасителем, но не спасителем - и все это со шрамами, разбитым, дрейфующим разумом, который поцеловал здоровье на прощание.

Сев обратно, он снова потянулся к миске с водой, отпил немного и умыл лицо и шею. Бесмысленно было придумывать оправдания, погрязать в жалости и ощущении невозможности. Он должен был сделать это, так или иначе. Какая была альтернатива? Взять несколько десятков "хороших семян" и попытаться сбежать из замка посреди самой страшной зимы, которую он когда-либо видел? Сможет ли он вообще это сделать? Он не был уверен. Возможно.

Но мог ли Вален? Смогла бы Райна? Смог бы Теннер? Смогут ли они? Ему пришлось бы лгать и обманывать каждого из них, а потом сбежать, оставив сотни умирать. Поэтому он надеялся на талисманы, основанные на древних символах. Райна была в восторге, когда речь заходила о них, ссылаясь на невообразимые возможности. Он тоже должен был радоваться - и должен был молиться. Молиться о том, чтобы они смогли отменить саму смерть. Потому что даже если и было другое решение... он не мог его увидеть. Он не был достаточно умным, холодным или блестящим, чтобы увидеть его. Он был ничтожным человеком, которому поручили стать героем в мире, о котором он ничего не знал.

Он восстанавливался весь оставшийся день, тренируясь в течение нескольких следующих, прежде чем сбросить цикл, подружиться с Дерреком, сообщить Валену, а затем поспешить обратно в замок, чтобы разобраться с одной "смертью", которую он уже решил - Яном.

После того как Вален завладел вниманием мальчика, Сайлас немедленно затолкал Райну и его в одну комнату и "заставил" древние иероглифы вырваться из Яна. Это был единственный способ, верил он. И даже если это так... он не мог понять, сколько времени это займет. Он занимался чуть меньше трех месяцев без усталости... а потом пришли мертвые. И мертвые победили. Тьма поглотила свет, и дух человека не был разожжен.

Ты умер.

Точка сохранения 'Кровь Щенка' была инициализирована.

Символы, в отличие от того, что Сайлас считал словами, были скорее сродни целым языкам. В зависимости от изгиба и угла наклона линии, смысл менялся. Это были слова, но слова на языке, который был сродни тысяче языков Земли вместе взятых. Небольшое изменение могло изменить смысл всего.

Ты умер.

Точка сохранения 'Кровь Щенка' была инициализирована.

Иероглифы, буквы, слова, письмена, они были подобны молитвам - торжественным проповедям, евангелиям богов. Они умоляли, они просили, они истекали кровью. Дайте нам. Возьмите нас. Одобрите нас. Спаси нас. Отмените нас. Спасите нас. Спасите нас. Спасите нас. Спасите нас.

Ты умер...

Ты умер...

Ты умер...

Ты умер...

Ты умер...

...

Туманный мир расплывался в смешении форм и цветов. Все было одним, и один был всем. По крайней мере, Сайлас так думал в своем пьяном состоянии. Он бормотал, спотыкался и заикался, его одержимость древними символами вылилась в беспорядочные бредни безумца.

"Рик начинает изменение, линия ставит точку на двух значениях - жестоким и безразличном; бленд конфигурирует холод, и в варианте холода рик становится риком-навязчивым или риком-постепенным. И вот они сливаются в...".

Он горел.

Ты умер...

Было больно.

Ты умер...

Он ослабел.

Ты умер...

Он плакал.

Ты умер...

Он пел. Он пел слова, он пел мелодии, он пел буквы. Лист бумаги, чтобы осветить весь восток. Чтобы растопить холодный снег. Чтобы вызвать пепельный дождь. Лист бумаги. Буквы. Цифры. Линии. Слова. Символы. Значения.

Ты умер...

"Ха-ха-ха-ха", - безумно смеялся Сайлас, его глаза внушали окружающим ловкое отступление.
"Я понял! Если улыбка сочетается с током, то они не просто сливаются, как гребаные дебилские, современные, нормальные языки! Они - они, блядь, отменяют друг друга! Блестяще! Гениально, блядь! Итак, улыбка? ЧТО, БЛЯДЬ, ЗНАЧИТ УЛЫБКА?!!!"

Ты умер...

"Прости меня, прости меня, прости меня, прости меня, прости меня", - бормотал он в пьяном угаре, не зная, перед кем он вообще извиняется в этот момент. Это мог быть Вален - в конце концов, он видел, как принц умирал сотни, тысячи раз. Обезглавленный, пронзенный копьем, расчлененный, разнесенный на куски... всевозможные ужасы и боль.

Это могла быть и Райна - он бесчисленное количество раз наблюдал, как жизнь покидает маленькую девочку. Он видел, как она умирала и сгибалась, видел, как она плакала и ломалась. Он видел, как ее парализует страх, космический ужас, не знающий границ.

Это мог быть Теннер, это мог быть Сирс, это мог быть Деррек, это могли быть сотни других, за которыми он наблюдал, как они умирали, умирали, умирали и умирали. Они все умрут. Кровь всегда будет повсюду. Куски и кусочки того, что делало человека целым.

Это был адский пейзаж. Это был его личный ад, слепок из цепей грешника. Расплавленная хватка жестокого, которая держала его среди огня, среди боли и страданий. Он не мог убежать. Он не мог спасти их.

Ты умер...

Ты умер...

Ты умер...

Он перестал смотреть. Он больше не мог смотреть. Он убьет себя прежде, чем все это начнется. Дрожь. Дрожь.

Ты умер...

Ты умер...

Жизнь - это переход в вечность. Безграничные заслуги, узнал он. Весь мир был внутри песочных часов, и он переворачивал их. Снова и снова, снова и снова. Он знал все. Он видел все. Всему научился.

Он знал, как на все отреагирует каждая служанка, каждый слуга, каждый разбойник и каждый пленник. Если он крикнет, если пробормочет, если ничего не сделает. Он знал, где они будут, что они будут делать, все. Саша отвечал за картошку и каждый день на рассвете, с первого крика петуха до середины утра, чистил ее. Сэм подметал бы веником лестницу, вверх и вниз, каждый день, в одно и то же время. Каждый раз. Все время. Навсегда. Хардин, Байл, Силка, Фетиль, Сио, Грег, Код... сотни имен пронеслись в его памяти. Он знал все. Все.

Ты умер...

Ты умер...

Ты умер...

...

Сайлас пересказал. Он знал, что ошибается, но все равно пересказывал. Многие годы он

полностью вычеркнул из своей памяти, но тем не менее перечислил. Многие другие он смешал вместе, так как все они были одинаковыми, но все же перечислил. А многие другие просто... исчезли, как клубы дыма, и больше никогда не появлялись. Шестьдесят четыре. Шестьдесят четыре...

"... шестьдесят четыре года", - пробормотал он ветру. Шестьдесят четыре года, в общей сложности, вспоминал он. И все же... он ни на день не постарел. Ни одной морщинки, чтобы показать это. Ни йоты изменений, которые могли бы заметить другие. Как и каждый раз, они праздновали. Они танцевали. Они пели. Они пили. Он забыл о большинстве радостей жизни - разве что иногда выпивал, чтобы его разум не треснул, как стекло, и не разлетелся на миллионы осколков. Он был статуей, холодной, хамоватой, хромой, промокшей, мокрой бумагой. Он был никем, и ничто не было им.

Ты умер...

Ты умер...

Ты умер...

...

Сайлас стоял на стене, смотрел, ждал, предвкушал. Крошечный огонек, который все это время продолжал гореть в глубине его души, потихоньку разгорался. Талисманы... талисманы были готовы. Некоторые, по крайней мере. Всего четыре, если быть точным. Это было все - он знал. Четыре - это столько, сколько они смогут сделать за то время, что у них есть. Он проверял это - более пяти лет, на самом деле, проверял, снова и снова, снова и снова. Четыре. У них было четыре гранаты на армию в десятки тысяч человек.

"Пожалуйста, Боже, пожалуйста", - пробормотал он молитву. "Я не могу. Больше не могу. Больше не могу. Пожалуйста. Пожалуйста. Дай мне завтра. Пожалуйста. Пожалуйста... пожалуйста... дай мне завтра... дай мне завтра... дай мне завтра... дай мне завтра..." его молитвы унеслись вместе с хлестким ветром, когда атмосфера магии изменилась. Они пришли. Мертвые, снова, как и все предыдущие разы, пришли. "Только один раз. Только один раз, пожалуйста. Только один раз..."

Ты умер...

Ты умер...

Ты умер...

...

<http://tl.rulate.ru/book/66231/1868386>